

«Первый огонь мы открыли в 3.30...»

Мой отец, Балускин Владимир Васильевич, наверное, родился в рубашке, так как, будучи пограничником, принял свой первый бой недалеко от Бреста на северном участке Белорусского укрепрайона 22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра. И не погиб.

Мы, дети ветеранов, все свое послевоенное детство проигравшие в войну - в разведчиков и партизан, танкистов и санитаров, постоянно рисовавшие бои русских с немцами на воздухе, в море и на земле - корим себя за то, что мало спрашивали родителей о войне, мало записывали. Но большинство из нас сходится на том, что рассказывать о войне нашим отцам было не только мучительно тяжело, но и не рекомендовалось.

Отец мой и начал войну раньше официальных дат, и закончил позже, дойдя до Берлина и Праги. Он видел много событий, был участником тяжелых боев, наступлений, отступлений, был не раз ранен, контужен, терял боевых товарищей, получал похоронки на друзей и братьев. Много забылось, но дни с 21 по 23 июня 1941 года он даже в преклонном возрасте помнил по часам.

Отец служил на западной границе, был заместителем начальника заставы по вооружению. Вот его рассказ:

- Вечером 21 июня наш пограничный наряд вышел на дежурство в усиленном составе, группу на участке увеличили с 3 до 18 человек. Река Бук от нашего места протекала довольно далеко, поэтому никаких водных

преград перед немцами не было, и войск они подтянули предостаточно. Танков, правда, не было. Пошел 4-й час утра. Из комендатуры заставы, расположенной в 18 км от нас, поступали обычные команды о бдительности, возможной провокации. Слово «провокация», которое звучало с января, мы не любили, поскольку знали, что придется воевать по-настоящему. В 3.15 утра с заставы поступил приказ отражать нападение всеми силами и всеми огневыми средствами. Мы были очень хорошо замаскированы, и немцы нас не обнаружили, поэтому шли они не очень осторожно, хотя и старались не шуметь. Мы начали стрелять в 3.30, сразу из всех наших 10 пулеметов. Били на поражение. Немцы, не ожидая этого, отошли назад. Началось утро, и цели видны были прекрасно. Потери немцы понесли немалые. Но мы сразу поняли, что вторая атака станет более серьезной. Пока у нас не было ни одного раненого. Произошло самое плохое - прервалась связь с комендатурой, и мы остались в неведении, как там дела у наших. Вот тут и пришло понимание: началось.

А началось жуткое. Атака за атакой, артиллерийские обстрелы, мины. К вечеру 22-го мы потеряли троих. Позиции наши были неплохо подготовлены: вырыты запасные окопы, индивидуальные ячейки, заранее подвезены большие запасы боеприпасов и оружия. Немцы долго не могли продвигаться на нашу территорию ни на шаг. В своих атаках они потерями более сотни человек в первый день. Мы же,

как сказал, только троих. Но оставалось-то нас 15. Одного я послал на связь. Но он куда-то пропал. В ночь на 23-е нас оставили в покое. Мы немного передохнули, подзарядили пулеметные ленты, подрастянули оборону, чтобы нас не накрыли групповым огнем, перевязали раненых. Мучила неизвестность - как там за нами, в тылу. А там, как выяснилось, и застава, и комендатура были разбиты, т.к. прицельно поработала немецкая артиллерия и авиация. И держалась наша погрангруппа только на линии самой границы.

23 июня. 7 часов утра. Это была самая кошмарная атака немцев. Они шли в полный рост, не обращая внимания на потери. Нас оставалось 10 человек. И вот тогда, оставив пулеметы, мы пошли в штыковую атаку. Наверное, были страшны в своей ярости. Без всякого «ура», молча шли, зная лишь одно - пришла время погибать. И вот когда мы начали работать штыками, они не выдержали, отошли. Нас оставалось семеро, потом пятеро, четверо... Я потом много раз пытался представить картину тех четырех дней, в течение которых мы держали наш участок границы, а вспомнить мог только дым, крики, взрывы, треск пулеметных очередей. Раненых у нас не осталось, все были убиты. Только мы, четверо, продолжали вести бой. Как? Я и сегодня рассказать не могу. А 26-го утром к нам все-таки прибыл наш связной с приказом отходить. А приказ этот был передан ему еще 23-го. Пробыть с нам он сразу не смог, везде уже были немцы.

Уважаемая редакция «Двинской правды»!

Мой отец, полковник, участник Великой Отечественной войны Балускин Владимир Васильевич - ваш земляк. Родился 15 мая 1918 года в деревне Большое Рычково Сольвычегодского района, в 1936 году был призван на срочную службу в погранвойска. Проходил ее в одной из белорусских застав.

Посылаю вам статью об отце-фронтовике. Надеюсь, что на нее откликнутся земляки, оставшиеся в живых родственники, их дети. До середины 1990-х отец навещал ваши места (пос. Харитоново, где похоронены его родители, родственники). Всего из семьи на фронт ушло четверо братьев.

С уважением Г.В. Каменская.

Как мы шли к своим - это особый рассказ. Были очень измучены, ни одного патрона, всего две гранаты, ну и ножки еще. По пути, правда, подобрали немецкие автоматы. К своим вышли уже под Могилевом. Встретили нас, скажу прямо, неласково. Оборванные, похожие на диверсантов, с немецкими автоматами... Но документы мы не бросили. Сохранили даже пограничные фуражки. Особый отдел быстро разобрался в том, кто мы есть. Отходили потом со своими частями под бомбежками, с боями прорывались из окрестностей. Уцелевшие в эти страшные дни части элитных войск отходили по железной дороге на восток, но по доносу предателя эшелон разбомбила немецкая авиация. Я уцелел, т.к.

случайно вышел перекурить на площадку сцепления между вагонами.

Как я уже заметила, отец, начав войну раньше, и закончил ее позже объявленной даты победы. 8 и 9 мая 1945 года он не праздновал Победу, воевал в Чехословакии. В Пражской стратегической наступательной операции 6.05.-11.05.1945 года (шесть суток) среднесуточные потери только по I Украинскому фронту составляли 3897 человек, а вместе со II-м и IV-м Украинским - 8225 человек.

11 мая советские войска после освобождения Праги вышли на линию Хемниц - Карловы Вары - Пльзень, где встретились с передовыми частями американской армии. Погибнуть уже после объявления Победы мой отец не мог. Ведь он устоял в Белорусской стратегической оборонной операции 22.06.-09.07.1941 года (17 суток), когда среднесуточные потери составляли 23309 человек.

Галина КАМЕНСКАЯ.

Цифры потерь даны по книге «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». - М., Военное издательство, 1993.

От редакции: статья публикуется в рамках проекта «Победа моей семьи», не является конкурсной работой. Всем, кого заинтересует возможность связаться с автором, редакция готова оказать содействие.